

УДК 16:004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>

EDN: GDFCCO

Поступила: 25.06.2026

Принята: 21.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ И КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Скрипкина Татьяна Константиновна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В современных междисциплинарных исследованиях искусственного интеллекта (ИИ) применяется широкий спектр понятий для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов, часто без уточнения точного значения используемой терминологии, что порождает методологическую неопределенность и споры относительно допустимости приписывания субъектных характеристик алгоритмическим системам. Систематизация философских и социологических подходов, представленная в данной работе, позволяет сформулировать дифференцированный понятийный аппарат, поясняющий условия применения каждого термина для избежания как излишней антропоморфизации ИИ-алгоритмов, так и сведения их статуса до сугубо инструментального. Для систематизации понятийного аппарата сформулированы четыре критерия анализа — онтологический, гносеологический, каузально-деятельностный и контекстуально-реляционный. На их основе показано, что категории актора и агента связаны преимущественно с каузально-деятельностным критерием и характеризуют факт функционального участия ИИ-агента в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Категория субъекта в строгом смысле слова связана со всеми четырьмя критериями и предполагает наличие феноменального сознания, рефлексии и этической агентности, поэтому релевантна преимущественно для описания гипотетического сильного ИИ. Понятие техносубъекта описывает децентрализованные самооптимизирующиеся системы, ориентированные на операциональную эффективность и функционирующие в условиях минимизированного участия человека. Понятие квазисубъекта характеризует ситуации, в которых ИИ-алгоритму приписываются отдельные признаки субъекта, причем конкретный набор таких признаков может варьироваться в зависимости от исследовательского контекста. Термин «ситуативный субъект» рассматривает субъектный статус как таковой в качестве временного предиката, что позволяет анализировать ситуации взаимодействия, характеризующиеся динамической сменой ролей, где одна и та же сущность может последовательно выступать то в качестве субъекта, то в качестве объекта. Выбор конкретного понятия для описания ИИ-агента рекомендуется сопровождать указанием на определяющий критерий, что позволит сохранить методологическую строгость и точность терминологии. Подобная терминологическая дифференциация позволяет предотвращать концептуальные подмены при анализе человеко-машинного взаимодействия. Результаты исследования демонстрируют, что отказ от универсального терминологического шаблона в пользу контекстуально-обусловленного выбора понятий существенно расширяет аналитические возможности при изучении различных типов ИИ-систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, субъектность, агентность, актор, агент, субъект, техносубъект, квазисубъект, ситуативный субъект.

Для цитирования:

Скрипкина Т.К. Категории субъектности в исследованиях искусственного интеллекта: систематизация подходов и критерии разграничения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 367–381. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>. EDN: GDFCCO

CATEGORIES OF SUBJECTIVITY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH: SYSTEMATIZATION OF APPROACHES AND CRITERIA OF DISTINCTION

Tatiana K. Skripkina

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk)*

Contemporary interdisciplinary AI research employs various concepts to describe the agential status of AI algorithms, often without clarifying the precise meaning of the terminology used. This leads to methodological uncertainty and disputes over the legitimacy of attributing agential characteristics to algorithmic systems. By systemizing the philosophical and sociological approaches, this paper develops a differentiated conceptual apparatus that specifies the conditions for applying each term, avoiding both excessive anthropomorphization of AI algorithms and their reduction to a purely instrumental status. The paper formulates four analytical criteria for systemizing the conceptual apparatus: ontological, epistemological, causal-agential, and contextual-relational. On this basis, the study demonstrates that the categories of actor and agent are primarily associated with the causal-agential criterion and characterize the functional participation of an AI agent in a specific interaction situation. The category of subject in the strict sense relates to all four criteria and presupposes phenomenal consciousness, reflexivity, and ethical agency, making it relevant primarily for describing hypothetical strong artificial intelligence. The concept of technosubject describes decentered, self-optimizing systems oriented toward operational efficiency under minimized human involvement; the concept of quasi-subject characterizes situations where an AI algorithm is attributed with individual features of a subject, with the specific set varying depending on the research context; finally, the term “situational subject” treats agential status as a temporary predicate, enabling analysis of interaction situations with dynamic role changes, where the same entity can alternately act as subject and object. The choice of a specific concept to describe an AI agent should be accompanied by the indication of its determining criterion, this preserving methodological and terminological precision. Such differentiation prevents conceptual substitution when analyzing human-machine interaction. The results demonstrate that abandoning a universal terminological template in favor of context-dependent choice of concepts significantly expands analytical capabilities in studying various types of AI systems.

Keywords: artificial intelligence, human-machine interaction, subjectivity, agency, actor, agent, subject, technosubject, quasi-subject, situational subject.

To cite:

Skripkina T.K. [Categories of subjectivity in artificial intelligence research: systematization of approaches and criteria of distinction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 367–381 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>. EDN: GDFCCO

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), в особенности переход от узкоспециализированных алгоритмов к генеративным технологиям и большим языковым моделям, привело к их глубокой инте-

грации в повседневные практики. Подобные трансформации социальной реальности с неизбежностью повлекли за собой академическую дискуссию о границах возможностей ИИ и его онтологическом статусе. На сегодняшний день в научной среде сформировался определенный консенсус по ряду фундаментальных вопросов.

Так, большинством исследователей признано, что современные системы слабого ИИ не обладают феноменальным сознанием, автономной интенциональностью или подлинной моральной ответственностью [Паламарчук О.Т., 2022, с. 34; Бекбоев А.А. и др., 2026, с. 286; Петрунин Ю.Ю., 2025, с. 89]. Тем не менее, по мере усложнения поведенческих паттернов ИИ-систем, способных имитировать эмпатию, вести содержательный диалог с пользователем, а также вступать в коммуникацию с другими ИИ-системами, в междисциплинарном поле нарастает концептуальная неопределенность.

Ключевая проблема заключается в отсутствии единой устоявшейся терминологии для описания субъектного статуса ИИ в конкретных ситуациях взаимодействия. Исследователи, анализирующие влияние алгоритмов на общество и индивида, оперируют такими категориями, как «актор» [Баранов Н.А., 2025, с. 162], «агент» [Нагоев З.В., 2025, с. 189; Мелихова О.А. и др., 2015, с. 50], «субъект» [Беликова Е.К., 2025, с. 6], «техносубъект» [Бакин С.А., 2024, с. 506] или «квазисубъект» [Лановая Т.В., 2026, с. 128; Чаннов С.Е., 2022, с. 102], не всегда четко разграничивая их онтологический и методологический статусы. Подобная терминологическая гибкость, с одной стороны, отражает сложность и многогранность феномена ИИ-технологий на их нынешнем этапе развития, с другой — ведет к размыванию понятийного аппарата, методологическим ошибкам и некорректным теоретическим выводам.

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в методологической строгости при осмыслении субъектного статуса участников человеко-машинного взаимодействия. Некритичное перенесение классических философских категорий (таких как «субъект») на алгоритмические системы рискует привести к излишней антропоморфизации технологий, тогда как редукция сложных коммуникативных систем до статуса простых инструментов не позволяет уловить специфику их воздействия на социальную и коммуникативную среды. Выработка четких критериев использования того или иного термина для обозначения категории субъектности будет способствовать повышению качества эмпирических и теоретических

исследований в области философии и социологии технологий.

В связи с вышеизложенным в рамках данной работы целью является формирование дифференцированного понятийного аппарата для описания субъектного статуса ИИ-технологий. Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи:

1. На основе систематизации ключевых теоретических подходов к трактовке категории субъектности сформулировать критерии разграничения понятий, используемых для описания субъектного статуса ИИ-агентов.

2. Установить онтологические и функциональные различия между базовыми категориями («актор», «агент», «субъект») и специализированными концептами («техносубъект», «квазисубъект», «ситуативный субъект») в контексте человеко-машинного взаимодействия.

3. Определить границы применимости каждого из выделенных понятий в зависимости от типа анализируемой ИИ-системы и характера коммуникативной или когнитивной практики.

Научная новизна настоящей работы заключается в систематизации подходов к описанию субъектности ИИ и формировании дифференцированного понятийного аппарата. Предложенная система категорий позволяет избежать гиперболизации субъектного статуса алгоритмических систем, а также их редукции до уровня пассивных инструментов. Критерии для разграничения анализируемых понятий (подробнее представленные в следующем разделе статьи) обеспечивают выбор корректной терминологии в зависимости от специфики исследовательской задачи и контекста исследуемого взаимодействия ИИ-агентов с внешней средой.

Теоретико-методологические основания исследования

Современные исследования субъектного статуса ИИ-агентов опираются на широкий спектр различных теоретических подходов. Для решения задач данного исследования эти подходы были систематизированы и сгруппированы в четыре ключевых направления.

Первая группа подходов может быть условно названа онтологической, поскольку в данном случае субъектный статус какой-либо сущности

(в нашем случае — ИИ-агентов) рассматривается как специфическая форма ее бытия, которая может быть охарактеризована в виде набора имманентных параметров. Наиболее ранние исторические корни этой традиции можно обнаружить в античной и средневековой философии, где категория субъекта функционировала преимущественно в онтолого-логическом регистре [Догадова Е.М., 2007, с. 93; Давыдов А.А., 2009, с. 156]. Однако трактовка категории субъекта как метафизического основания присутствует и в более поздних подходах. В частности, М. Хайдеггер в работе «Время картины мира» указывает, что в метафизическом значении субъект представляет собой «то, что как основание собирает все на себе» [Хайдеггер М., 2007, с. 67], т. е. является фундаментальной основой бытия, на которой структурируется реальность. В современной русскоязычной философской традиции этот онтологический вектор сохраняется, приобретая новые измерения. Так, согласно подходу В.А. Лекторского, субъект — это «носитель деятельности, сознания и познания», включенный в культурный контекст и коммуникативные практики, существующий в неразрывном единстве внутреннего «Я», межсубъектных отношений и практической активности [Лекторский В.А., 2010, с. 5]. В.М. Розин, обращаясь к другой категории агентности — «субъективности», — трактует ее как специфический способ бытия, выражающийся в наборе динамических характеристик, связанных в первую очередь с процессами самоконструирования индивида [Розин В.М., 2011, с. 39]. Несмотря на дискуссию относительно статичности или динамичности указанных свойств, ключевая установка онтологического подхода остается неизменной: субъектный статус некоторой сущности определяется наличием специфического набора фундаментальных характеристик, отличающих его от других сущностей, подобным статусом не обладающих.

Вторую группу подходов можно обозначить как гносеологические. При этом важно отметить, что авторы данных подходов не исключают онтологических оснований субъектного статуса, однако на первый план в рамках анализа выходят категории сознания и познания: субъект рассматривается прежде всего в качестве позна-

ющего начала. Зарождение данной традиции неразрывно связано с картезианским поворотом, в рамках которого происходит смещение философских оснований категории субъекта с онтологических на гносеологические. Р. Декарт формулирует принцип субъективной достоверности, согласно которому исходным пунктом философствования становится переживаемый сознанием акт мышления [Декарт Р., 1950, с. 283]. Противопоставление субъекта и объекта оформляется в гносеологическом регистре: субъект есть то, чему принадлежит восприятие и мышление, объект — то, на что направлены познавательные усилия. Позднее Э. Гуссерль развивает эту линию, определяя субъект как «чистое Я с потоком размышлений» [Гуссерль Э., 1998, с. 79]. Современные исследователи дополняют данный подход, указывая на обусловленность когнитивных процессов культурным и социальным контекстом. Так, Л.А. Микешина характеризует субъект познания как телесное существо, опирающееся на чувственный эмпирический опыт, систему ценностей и убеждений, а также культурный контекст [Микешина Л.А., 2009, с. 8]. В рамках данного подхода знание не может существовать вне познающего субъекта, который наделяет его собственной интерпретацией. Е.О. Труфанова указывает на то, что субъект (в частности субъект научного познания) выступает проводником социокультурных дискурсов, в которые он включен, переносит влияние этих дискурсов на свою познавательную деятельность и тем самым определяет способы и границы конструирования нового знания [Труфанова Е.О., 2018, с. 64]. Таким образом, с точки зрения представителей данного подхода субъектный статус сущности определяется ее познавательной деятельностью, а также участием в осмыслении реальности и конструировании знания о ней.

Третью группу подходов можно определить как каузально-деятельностные. При этом важно отметить, что данная группа подходов не противопоставляется двум предыдущим, поскольку авторы не отрицают онтологических и гносеологических оснований агентности и субъектного статуса, однако в данном случае происходит смещение акцентов. По сути, данные концепции представляют собой специфическую модифика-

цию онтологического подхода, где основным критерием субъектности оказывается способность сущности действовать и оказывать влияние на окружающую действительность. В рамках философии действия, представленной в работах Э. Энском [Anscombe G.E.M., 1971, p. 133] и Д. Дэвидсона [Davidson D., 1980, p. 45], намерения действующего индивида постулируются в качестве значимого основания действия, при этом само действие предстает в роли первичного онтологического события, посредством которого конституируется позиция действующего начала. Акцент на действии также является одной из отправных точек рассуждения в рамках акторно-сетевой теории, где агентность трактуется как способность порождать различия и перестраивать конфигурации связей между участниками ситуации взаимодействия, а любая единица, в ходе своего действия иницирующая какие-либо изменения в окружающей действительности, наделяется статусом актора [Латур Б., 2014, с. 68]. При таком подходе сложные ментальные состояния могут отступать на второй план, уступая место фактической способности некоторой сущности иницировать действие и оказывать влияние на окружающую среду. Особое развитие данная линия трактовки агентности получает в концепции техносубъекта, разрабатываемой В.И. Игнатьевым и В. Мазиным. С точки зрения данных авторов, технологическая система является носителем неантропоморфной формы агентности, ориентированной на максимальную операциональную эффективность [Игнатьев В.И., 2021, с. 143; Мазин В., 2018, с. 32]. Таким образом, ключевая установка рассматриваемой группы подходов заключается в том, что субъектный статус сущности определяется прежде всего каузальной эффективностью и способностью выступать носителем деятельности.

Подходы, относящиеся к четвертой группе, можно назвать контекстуально-реляционными. Здесь также важно подчеркнуть, что данные подходы не противопоставляются трем предыдущим, а по сути находятся на стыке онтологического, гносеологического и каузально-деятельностного направлений, поскольку в данном случае центральное место занимает идея относительности субъектного статуса и вклю-

ченность субъекта в конкретную ситуацию взаимодействия. Элементы подобной логики уже прослеживались в упомянутых выше концепциях акторно-сетевой теории, а также в работах Е.О. Труфановой и Л.А. Микешинной, однако в ряде концепций данному аспекту придается центральное значение. Так, например, с точки зрения процессуальной онтологии А.Н. Уайтхеда субъект предстает в виде динамического акта становления. Фундаментальной единицей реальности здесь выступает актуальная сущность, понимаемая как «капля опыта», которая в момент своего формирования фактически обретает статус субъекта. С точки зрения данной парадигмы настоящее аккумулирует предшествующие объекты-события, формируя новую реальность путем движения от объекта к субъекту. Активная становящаяся сущность, выступающая субъектом, «схватывает» прошлые элементы, интерпретирует их и создает новое, достигая внутренней завершенности. Завершив свое становление, данная сущность утрачивает внутреннюю активность и превращается в объект для последующих субъектов [Whitehead A.N., 1931, p. 131]. Другой подход можно найти в концепции агентного реализма К. Барад, где вводится понятие «интра-акции» [Барад К., 2018, с. 66]. Согласно этой логике, субъект и объект конституируются исключительно в момент их взаимного воздействия, утрачивая статус предзаданных изолированных сущностей. В результате агентность рассматривается в качестве результата переплетения материальных и дискурсивных практик в конкретном контексте, что исключает ее трактовку как изолированного свойства отдельного актора. В отечественной традиции данный вектор представлен, например, в работах И.Н. Карицкого, где относительность и ситуативность позиционируются в качестве неотъемлемых характеристик категории субъекта [Карицкий И.Н., 2015, с. 111]. Таким образом, ключевая установка рассматриваемой группы подходов заключается в том, что субъектный статус сущности определяется не ее собственными характеристиками, а контекстом взаимодействия, в рамках которого она оказывается включенной в сеть отношений и наделяется соответствующими функциями.

Уточним, что приведенная классификация подходов к трактовке категории субъектности не является исчерпывающей и носит инструментальный характер, поскольку позволяет сформулировать ключевые критерии для оценки релевантности тех или иных понятий, обозначающих субъектный статус ИИ-агентов. Первый критерий связан с онтологическим подходом и характеризуется наличием инвариантных признаков, позволяющих отнести ту или иную сущность к категории субъекта. Данный критерий является наиболее общим по сравнению с остальными, однако именно он служит отправной точкой для рассуждения. Второй критерий, основанный на гносеологических подходах, позволяет оценить роль ИИ-агентов в когнитивных процессах, от базовой способности к восприятию и обработке информации до гипотетически возможного наличия сознания у технологий, которые могут быть разработаны в будущем. Третий критерий, связанный с каузально-деятельностным подходом, характеризует способность той или иной сущности инициировать и осуществлять какие-либо действия, а также оказывать влияние на внешнюю реальность и других участников взаимодействия. Наконец, четвертый критерий, опирающийся на контекстуально-реляционную группу подходов, отражает относительный статус субъекта в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Совокупность данных критериев служит основанием для дальнейшего анализа релевантности шести ключевых понятий, используемых для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов.

Актор и агент: категории, характеризующие деятельность ИИ-алгоритмов

Понятие «актор» широко используется в различных исследовательских направлениях, однако для описания субъектного статуса ИИ-агентов наиболее релевантной представляется его трактовка, представленная в рамках акторно-сетевой теории. С точки зрения данной парадигмы, актором признается любая сущность (будь то человек, организация, технический артефакт или алгоритм), способная оказывать влияние на ситуацию взаимодействия [Латур Б., 2014, с. 68]. Ключевой характеристикой данного понятия выступает наделение сущно-

сти статусом носителя действия, независимо от наличия у нее сознания, интенции или этических оснований деятельности. Обращаясь к критериям классификации, сформулированным в теоретическом разделе, следует отметить, что для данной категории определяющим является каузально-деятельностный критерий, поскольку на первый план выходит сам факт осуществления действия. В меньшей степени здесь также проявляются онтологический и контекстуально-реляционный критерии. Онтологическим основанием является способность выступать носителем действия, а контекстуальная обусловленность проявляется в том, что актор не может быть рассмотрен изолированно, вне связи с другими участниками сети взаимодействий. С учетом вышесказанного, применительно к ИИ-технологиям актором может быть признан даже простейший алгоритм, если он способен совершить какое-либо действие и спровоцировать ответное действие со стороны другого участника взаимодействия, будь то человек, другой алгоритм либо иной нечеловеческий актор. Границы применимости данного понятия, таким образом, ограничиваются анализом ситуаций преимущественно единичных взаимодействий с участием ИИ-агентов.

Понятие «агент» представляет собой близкую, но не вполне идентичную категорию, восходящую к теории социального действия. Агент определяется как сущность, обладающая способностью к длительному, целенаправленному и автономному действию [Гусейнова К.Э., 2024, с. 136]. При этом употребление данного термина, как правило, предполагает описание продолжительной включенности агента в повторяющиеся социальные, коммуникативные или какие-либо иные практики, а также его способности адаптироваться к изменяющимся условиям долгосрочного взаимодействия. Если обратиться к ранее сформулированным критериям классификации, то, как и в случае с понятием актора, определяющим выступает каузально-деятельностный критерий, поскольку в центре внимания остается вовлеченность исследуемой сущности в ту или иную деятельность. Однако эта характеристика дополняется контекстуально-реляционным критерием, т. к. от агента ожидается определенная

степень функциональной устойчивости и предсказуемости реакций в рамках длительных, в том числе повторяющихся, форм деятельности, что обуславливает необходимость учета взаимного влияния агента и иных участников ситуации взаимодействия. Онтологический и гносеологический критерии для данной категории второстепенны: онтологическим основанием, как и в случае с актором, является способность к действию как таковая, а гносеологический аспект сводится к базовой способности обработки информации. При исследовании современных ИИ-алгоритмов термин «агент» может быть использован для описания систем, осуществляющих длительные повторяющиеся наборы более или менее однотипных действий, например, автоматизированных рекомендательных технологий.

Таким образом, обе категории связаны в первую очередь с каузально-деятельностным критерием, т. е. характеризуют способность той или иной сущности участвовать в определенных видах деятельности и оказывать влияние на окружение. Следовательно, использование данных понятий представляется наиболее корректным в тех исследованиях, предметом которых выступают фактические действия ИИ-агентов в определенных ситуациях. Подобный подход позволяет зафиксировать участие алгоритмов в каких-либо формах взаимодействия, избегая смещения аналитического фокуса на их гипотетические возможности либо на нормативные и этические аспекты их функционирования.

Понятие субъекта и границы его применимости

Понятие субъекта отличается содержательной сложностью, а также широким разнообразием трактовок, часть которых находятся за пределами фокуса текущего исследования. В рамках данной работы мы сосредоточимся на концептуальном аппарате, разработанном в рамках русскоязычной философской традиции. Обоснование данного выбора носит прагматический характер: поскольку статья ориентирована на русскоязычный академический дискурс, обращение к устоявшимся в этой традиции трактовкам позволяет обеспечить терминологическую согласо-

ванность с существующим корпусом исследований. При этом мы исходим из того, что в рамках указанной традиции предложена развернутая модель субъекта, учитывающая его деятельностные, когнитивные и коммуникативные аспекты, что делает ее перспективным основанием для анализа человеко-машинного взаимодействия.

В русскоязычном дискурсе одно из наиболее широко цитируемых определений принадлежит В.А. Лекторскому, который трактует субъект как «носитель деятельности, сознания и познания», обладающий статусом «Я» по отношению к себе, «Другого» по отношению к иным субъектам и актора по отношению к объектам [Лекторский В.А., 2010, с. 5]. Среди других признаков субъекта исследователь называет существование в пространстве и времени, включенность в некоторую культурную среду, наличие коммуникативных и иных отношений с другими субъектами, наличие осознаваемой и отрефлексированной биографии. В работах других авторов можно найти схожие точки зрения [Жуланова И.В., Медведев А.М., 2015, с. 15; Карицкий И.Н., 2015, с. 111].

Если обратиться к критериям, сформулированным в теоретическом разделе данной статьи, то стоит отметить, что применительно к категории субъекта все четыре характеристики имеют высокое значение. Онтологический критерий задает ключевые инварианты, которые необходимы для признания некоторой сущности субъектом: в данном случае речь идет в первую очередь о наличии сознания, рефлексии, способности к познанию и возможности оказывать влияние как на других участников ситуации взаимодействия, так и на саму ситуацию. В рамках отдельных подходов могут быть сформулированы и иные признаки, однако указанные являются ключевыми и представленными в большинстве концепций, характеризующих категорию субъекта. Гносеологический критерий предполагает, что к неотъемлемым признакам субъекта относятся наличие феноменального сознания, статус «Я» по отношению к самому себе, способность к рефлексии и интерпретации окружающей действительности, выходящей за рамки простой обработки поступающей информации. Значимость каузально-деятельностного критерия для данно-

го понятия определяется тем, что одной из ключевых характеристик субъекта выступает роль «носителя деятельности», а также «статус актора по отношению к объекту». В этом аспекте категория субъекта сближается с понятиями актора и агента, однако, поскольку одним из значимых признаков субъекта является наличие сознания, то деятельность субъекта, в отличие от двух предыдущих категорий, оказывается тесно связана с процессом целеполагания. Наконец, четвертый, контекстуально-реляционный критерий применительно к данной категории указывает на то, что, во-первых, субъектный статус всегда оказывается относительным и не может существовать вне отношения к «Другому» или к объекту, на который направлена активность субъекта, а во-вторых, деятельность субъекта, обладающего оторефлексированной биографией и включенного в некоторый культурный код, опосредована факторами, характеризующими ситуацию взаимодействия в целом, с учетом широкого социального и культурного контекста, а также бэкграунда участников.

Подобная содержательная насыщенность понятия определяет специфику его применимости к технологиям ИИ. Применение термина «субъект» в строгом смысле по отношению к современным системам слабого ИИ представляется методологически неточным, поскольку существующим на сегодняшний день алгоритмам недоступны феноменальное сознание, рефлексия и этическая агентность. Использование данной категории может быть релевантно либо в тех случаях, когда оно используется в широком смысле (для обозначения активной роли в ситуации взаимодействия, что, однако, создает риск терминологической путаницы со смежными категориями), либо при описании гипотетических технологий сильного ИИ. Необходимость сужения границ данного понятия и обращения к более узким специализированным концептам будет подробно рассмотрена ниже.

Специализированные концепты субъектности: техносубъект, квазисубъект, ситуативный субъект

Обсудив границы применимости категорий актора, агента и субъекта, обратимся к более узким понятиям, позволяющим отчасти преодо-

леть ограничения, выявленные в предыдущих частях работы, для терминов «актор», «агент» и «субъект».

Термин «техносубъект» разрабатывается В.И. Игнатьевым с опорой на идеи В. Мазина. Как уже было сказано ранее, эта категория обозначает неантропоморфную форму субъектности технологических систем, лишенную человеческих «ограничений» (телесности, эмоций, этики) и стремящуюся к максимальной эффективности в рамках заданного действия [Игнатьев В.И., 2021, с. 143]. В отличие от других категорий, описывающих субъектный статус, понятие техносубъекта не подразумевает наличия сознания, включенности в коммуникативные процессы с иными субъектами, рефлексии или этических оснований деятельности. Обращаясь к системе критериев, предложенной нами в теоретическом разделе статьи, отметим, что в данном случае определяющей снова оказывается роль третьего, каузально-деятельностного критерия: сущность техносубъекта раскрывается прежде всего в рамках его способности к эффективной самостоятельной деятельности в заданных обстоятельствах. Гносеологический критерий проявляется в том, что техносубъект, несмотря на отсутствие сознания, способен проводить более сложные (по сравнению с агентом и актором) процедуры обработки информации, в том числе «интегрировать данные, производить их анализ в ситуации неопределенности, перепрограммируя себя и создавая новые алгоритмы» [Игнатьев В.И., 2021, с. 131]. Контекстуально-реляционный критерий в данном случае является второстепенным: хотя техносубъект и вовлечен в некоторую ситуацию взаимодействия, более сложные аспекты взаимодействия с окружением для данной категории значения практически не имеют. Одним из наиболее интересных в рамках анализа данного понятия является онтологический критерий: несмотря на сходство с категорией актора (для обеих категорий ключевым онтологическим основанием является статус носителя деятельности), понятие техносубъекта также обладает рядом специфических черт: в частности, он должен быть обязательно неантропоморфным, не обладающим сознанием и существующим исключительно в качестве технической

системы. Применительно к анализу субъектности ИИ-технологий, данный термин может быть использован в тех исследованиях, где фокус сосредоточен на децентрализованных автономных системах, не подразумевающих участия человека. К числу подобных систем относятся, в частности, алгоритмы высокочастотного трейдинга, автономные системы управления производственными процессами, а также сложные самообучающиеся модели, способные модифицировать собственные параметры без непосредственного вмешательства оператора. Обращение к категории техносубъекта позволяет охарактеризовать техническую автономию и операциональную эффективность подобных систем.

Понятие квазисубъекта имеет длительную историю: еще до широкого распространения технологий ИИ данный термин применялся для описания квазисубъектов права [Худошин А.С., 2025, с. 154] или квазисубъектного статуса отдельных категорий работников [Корель Л.В., Комбаров Ю.В., 2012, с. 172]. В современных исследованиях ИИ-технологий эта категория используется для обозначения сущности, обладающей отдельными признаками субъекта, которых, тем не менее, оказывается недостаточно для признания ее субъектом в полной мере. При этом конкретный набор приписываемых признаков часто зависит от специфики фокуса исследования: это могут быть, например, высокая автономия и самостоятельность сущности, наделяемой квазисубъектным статусом [Дурнев А.Д., 2024, с. 335], приписывание субъектного статуса со стороны других участников взаимодействия [Скрипкина Т.К., 2025, с. 94], способность к самообучению или взаимодействию с другими ИИ-агентами [Гуляева П.С., 2022, с. 60], а также некоторые другие. Обобщая специфику употребления данного термина в отдельных работах, мы можем заключить, что понятие «квазисубъект» может быть использовано в тех исследовательских ситуациях, где возникает необходимость обозначить некоторую сущность как обладающую определенными субъектными чертами, но при этом подчеркнуть недостаточность этих черт для признания ее полноценным субъектом. Ключевым онтологическим основанием для данной кате-

гории выступает ее содержательная гибкость: в разных исследовательских ситуациях данное понятие может приобретать различное значение. Это, в свою очередь, осложняет выявление гносеологического, каузально-деятельностного и контекстуально-реляционного критериев субъектного статуса в рамках данной категории, поскольку они будут зависеть от того, какие именно признаки субъекта приписываются конкретной сущности в конкретной ситуации, а какие — признаются отсутствующими. Гибкость и адаптивность понятия квазисубъекта позволяют фиксировать промежуточные формы субъектного статуса, для которых категории субъекта, техносубъекта, актора и агента оказываются нерелевантными. Однако обратной стороной подобной гибкости оказывается размытость содержания, создающая риск терминологической некорректности при применении на практике. В связи с этим при использовании данного понятия представляется методологически целесообразным уточнять, в каком именно смысле он применяется и какие именно признаки субъекта имеются в виду.

Концепт ситуативного субъекта в исследованиях субъектности ИИ-агентов, как правило, не выделяется в качестве самостоятельной категории, однако в ряде работ ситуативность названа одной из ключевых характеристик субъекта [Лекторский В.А., 2010, с. 16; Карицкий И.Н., 2015, с. 111]. Эта точка зрения предполагает, что субъектный статус не является устойчивым и предзаданным свойством: одна и та же сущность в одной ситуации может выполнять функции субъекта, тогда как в другой — выступать в качестве объекта. На первый взгляд данный тезис выглядит тривиальным, однако он позволяет рассматривать субъектный статус в качестве временного предиката, а не неотъемлемого свойства какой-либо сущности, что, в свою очередь, может быть полезно в тех исследовательских ситуациях, когда проводится анализ сложных многоступенчатых ситуаций взаимодействия со смешанной субъектного и объектного статусов. Среди критериев, представленных в теоретико-методологическом разделе данной статьи, ключевым для данного понятия выступает контекстуально-реляционный критерий, поскольку

ситуативность и динамичность субъектного статуса могут быть исследованы только в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Ключевым онтологическим основанием для данной категории является относительность и динамичность субъектного статуса, а содержание гносеологического и каузально-деятельностного критериев в данном случае зависит от специфики конкретной ситуации взаимодействия. Применительно к исследованию ИИ-технологий данный термин может быть использован при анализе гибридных цифровых сред, где пользователь в одних ситуациях наделяет ИИ-алгоритм статусом «Другого», а в других — отводит ему роль инструмента. Также данное понятие может быть с некоторыми оговорками использовано в исследованиях, посвященных этике ИИ, если один и тот же алгоритм рассматривается в качестве объекта в момент обучения и формулирования запроса, но в других ситуациях может быть ситуативно наделен квазисубъектным статусом по отношению к созданному контенту. В данном случае характеристика ситуативности подчеркивает временный и относительный характер субъектного статуса, что позволяет избежать дискуссий об «истинной» субъектности современных ИИ-технологий, перенося фокус на специфику их позиционирования в рамках конкретных практик.

Таким образом, категории, рассмотренные в данном разделе статьи, представляют ценность преимущественно для исследований, посвященных анализу конкретных типов взаимодействия с ИИ-алгоритмами.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного анализа можно заключить, что категории, используемые для описания субъектного статуса ИИ-агентов, существенно различаются по своему содержанию и применимости. Методологическим основанием для систематизации этих различий послужили критерии, изложенные в теоретико-методологической части настоящей статьи: онтологический, гносеологический, каузально-деятельностный и контекстуально-реляционный. Полученные результаты демонстрируют, что содержание категории и ее об-

ласть применения в исследовательской работе определяются в зависимости от конкретного критерия, который выступает ключевым для данной категории.

Что касается самих понятий, следует отметить, что они отличаются не только по смысловому значению, но и по насыщенности и широте содержания. Категории актора и агента являются наиболее узкоспециализированными, поскольку их содержание сводится к характеристике функциональной позиции в рамках взаимодействия (при использовании понятия «актор» речь может идти практически о любых типах взаимодействия, включая единичные, в то время как термин «агент», как правило, описывает участника длительного или повторяющегося взаимодействия). Ключевым критерием для данных категорий является каузально-деятельностный, в то время как значимость прочих критериев оказывается второстепенной. Категория субъекта, напротив, представляет собой наиболее широкое и содержательно насыщенное понятие, в котором задействованы все четыре вышеописанных критерия. Данный термин используется для описания сущности, обладающей сознанием, отрефлексированной биографией, способной к осуществлению сложных когнитивных процессов и разнообразных видов деятельности, вовлеченной в некоторый культурный контекст и способной вступать в коммуникативные и другие формы взаимодействия с окружением, а также обладающую рядом других характеристик. Подобная содержательная насыщенность категории дает возможность учитывать множество нюансов при исследовании различных аспектов агентности и субъектного статуса. Однако это существенно усложняет применение данной категории для описания функционала современных ИИ-алгоритмов. Для решения этой проблемы могут быть использованы своего рода «промежуточные» категории — техносубъект, квазисубъект и ситуативный субъект, каждая из которых фокусируется на отдельных аспектах субъектного статуса ИИ. Понятие «техносубъект» применяется для описания неантропоморфных технических систем, демонстрирующих высокую автономию и эффективность при выполнении определенных видов задач. Кате-

гория ситуативного субъекта описывает сущности, чей статус может меняться в зависимости от специфики ситуации взаимодействия: в одних случаях они выступают в роли субъекта, в других — в роли объекта, что делает данную категорию релевантной для анализа практик взаимодействия, подразумевающих периодическую смену статуса участников. Категория квазисубъекта используется для описания ситуаций, в которых той или иной сущности временно приписываются отдельные признаки субъекта. Содержание упомянутых ранее критериев может варьироваться для каждой из указанных категорий в зависимости от специфики конкретного исследования. Таким образом, данные понятия могут быть использованы для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов в тех случаях, когда термины «актор», «агент» и «субъект» не в полной мере отражают специфику исследуемой ситуации.

Для наиболее продуктивного использования предложенной системы категорий в рамках практикоориентированных исследований ИИ-технологий мы рекомендуем на начальном этапе работы обратиться к сформулированным выше критериям. Затем, определив, какие из них будут представлять наибольшую значимость с точки зрения конкретного исследования, можно производить отбор наиболее подходящих категорий для описания субъектного статуса искусственного интеллекта. Такая систематизация не претендует на создание универсального терминологического шаблона для оперирования данными категориями, но предоставляет инструмент, который исследователи могут адаптировать в зависимости от своих рабочих задач.

Предложенная система категорий также обладает рядом ограничений. Во-первых, она основана преимущественно на русскоязычных источниках и фиксирует употребление указанных терминов в основном в работах, опубликованных на русском языке. Применение данного подхода к иноязычным работам может потребовать адаптации концептуальной рамки. Во-вторых, данной системы понятий может оказаться недостаточно для анализа субъектного статуса гипотетических гибридных ИИ-систем, предполагающих более сложные формы субъек-

тности. Эти ограничения требуют дополнительного анализа и могут быть скорректированы в результате уточнения и расширения терминологической базы.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования сформулирован дифференцированный понятийный аппарат, который может быть использован для описания различных аспектов субъектного статуса ИИ-технологий. Основанием для дифференциации служит система критериев, позволяющих оценить релевантность того или иного понятия применительно к конкретным исследовательским ситуациям. Методологическим итогом работы выступает разработка рекомендаций для применения полученной системы категорий: выбор понятия для анализа субъектного статуса ИИ-технологий в рамках решения конкретных исследовательских задач рекомендуется подкреплять указанием на определяющий критерий, что позволит сохранить терминологическую точность.

Полученные результаты могут быть использованы для сглаживания методологической неопределенности, описанной в начале данной статьи. Терминологическая дифференциация позволяет предотвращать концептуальные подмены при анализе человеко-машинного взаимодействия, а отказ от универсального терминологического шаблона в пользу контекстуально-обусловленного выбора понятий существенно расширяет аналитические возможности при изучении различных типов ИИ-систем.

Список литературы

- Бакин С.А. Анализ роли искусственного интеллекта в структуре постнеклассической рациональности // Системный анализ в проектировании и управлении. 2024. Т. XXVIII, № 2. С. 502–508. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id24-552> EDN: QZARWW
- Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость / пер. с англ. И. Штейнер // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология / ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018. С. 42–121.
- Баранов Н.А. Искусственный интеллект как новый актор системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 3. С. 159–179. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179> EDN: MLZZPT

Бекбоев А.А., Жайлообаева А.Т., Эркинбеков Т.Ж. Искусственный интеллект и сознание: экзистенциально-онтологический анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 1-1(112). С. 284–289. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-1-1-284-289> EDN: OXIQFY

Беликова Е.К. Искусственный интеллект — субъект и актор ценностного пространства // Российские исследования. Культура и общество. 2025. Т. 9, № 2. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-2-242> EDN: QIZAWM

Гусейнова К.Э. Модели социальных агентов в современном управленческом поле // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 6. С. 135–148. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148> EDN: VWYGD5

Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

Гуляева П.С. Квазиправообъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 2(46). С. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.46.2.06> EDN: QBDKRE

Давыдов А.А. Онтологический и гносеологический подходы к содержанию субъект-объектных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4. С. 155–159. EDN: RLYFAR

Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления // Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 257–408.

Догодова Е.М. Новое понимание субъекта в современной философии // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 93–97. EDN: JWVYIZ

Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339> EDN: PRSHFO

Жуланова И.В., Медведев А.М. Категория субъекта: философские реминисценции и психолого-педагогические ассоциации (Часть 1) // Мир науки. 2015. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).

Игнатъев В.И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 130–150. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150> EDN: PKVLEZ

Карицкий И.Н. История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 89–116. EDN: VIMOHH

Корель Л. В., Комбаров В. Ю. Субъект или квазисубъект? Опыт социологического анализа // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2012. № 9(459). С. 167–180. EDN: PDALEV

Лановая Т.В. Искусственный интеллект как квазисубъект лингвистических исследований // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2026. № 1(130). С. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.37972/chgpu.2026.130.1.015> EDN: HVGACJ

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. EDN: SYZVMJ

Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, № 1. С. 5–18. EDN: QAATXV

Мазин В. Машина влияния. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 256 с.

Мелихова О.А., Вепринцева О.В., Чумичев В.С., Джамбинов С.В., Гайдуков А.Б. Понятие агента в системах искусственного интеллекта // Технические науки — от теории к практике. 2015. № 12(48). С. 44–51. EDN: VDWRNX

Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. Т. 19, № 1. С. 5–15. EDN: MMBMYD

Нагоев З.В. Нейропсихологическая архитектура агента универсального искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 6. С. 186–208. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-6-186-208> EDN: ZGNGOG

Паламарчук О.Т. Сможет ли искусственный интеллект обладать... сознанием? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1(93). С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.3> EDN: MANBKO

Петрунин Ю.Ю. Генеративный искусственный интеллект и проблема сознания // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-78-92> EDN: CRCUJN

Розин В.М. Философия субъективности. Москва: СФК-офис, 2011. 380 с.

Скрипкина Т.К. Позиционирование субъектности чат-бота с точки зрения поведенческих практик пользователей: попытка классификации // Сознание в виртуальной реальности: материалы

Международной научной конференции. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2025. С. 92–95.

Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. Москва: Канон+, 2018. 320 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибикина. СПб.: Наука, 2007. С. 58–87.

Худошин А.С. Квасисубъекты в гражданском процессуальном праве: современное состояние и обозримое будущее // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3(164). С. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2025-3-152-155>

EDN: AVPQUJ

Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квасисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12(145). С. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>

EDN: MEMSIF

Anscombe G.E.M. Causality and Determination. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 32 p.

Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 1980. 304 p.

Whitehead A.N. Objects and Subjects // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1931. Vol. 5. P. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/1483082>

References

Anscombe, G.E.M. (1971). *Causality and determination*. Cambridge: Cambridge University Press, 32 p.

Bakin, S.A. (2024). [Analysis of the role of Artificial Intelligence in the structure of post-non-classical rationality]. *Sistemnyy analiz v proektirovani i upravlenii* [Systems Analysis in Design and Management]. Vol. 28, no. 2, pp. 502–508. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id24-552>

Barad, K. (2018). [Agential realism. How material-discursive practices matter]. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: antologiya* [Experiments in non-human hospitality: Anthology]. Moscow: V-A-C Press, pp. 42–121.

Baranov, N.A. (2025). [Artificial Intelligence as a new actor in the system of international relations: challenges and prospects]. *PolitBook*. No. 3, pp. 159–179. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>

Bekboev, A.A., Zhayloobaeva, A.T. and Erkinbekov, T.Zh. (2026). [Artificial Intelligence and consciousness: existential-ontological analysis]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestven-*

nykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 1–1(112), pp. 284–289. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-1-1-284-289>

Belikova, E.K. (2025). [Artificial Intelligence — subject and actor of the value space]. *Rossiiskie issledovaniya. Kul'tura i obschestvo* [Russian Studies. Culture and Society]. Vol. 9, no. 2, pp. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-2-242>

Channov, S.E. (2022). [Robot (Artificial Intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Current Problems of Russian Law]. Vol. 17, no. 12 (145), pp. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>

Davidson, D. (1980). *Essays on actions and events*. Oxford: Clarendon Press, 304 p.

Davydov, A.A. (2009). [Ontological and epistemological approaches to the content of subject-object relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 4, pp. 155–159.

Descartes, R. (1950). [Discourse on the method. Metaphysical meditations]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., pp. 257–408.

Dogadova, E.M. (2007). [New understanding of the subject in modern philosophy]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. No. 3, pp. 93–97.

Durnev, A.D. (2024). [Event in the digital era: status of the acting person]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Gulyaeva, P.S. (2022). [Quasi-legal subjectivity of Artificial Intelligence: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Moscow City University. Series: Legal Sciences]. No. 2 (46), pp. 58–69.

Guseinova, K.E. (2024). [Models of social agents in the modern managerial field]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Vestnik of the Financial University]. Vol. 14, no. 6, pp. 135–148. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148>

Heidegger, M. (2007). [The age of the world picture]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and

being: articles and lectures]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 58–87.

Husserl, E. (1998). *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian meditations]. St. Petersburg: Nauka: Yuventa Publ., 315 p.

Ignat'ev, V.I. (2021). [The problem of the techno-subject: on the subjectivity of "constructor entities"]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 13, no. 1, pt. 1, pp. 130–150. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150>

Karitskiy, I.N. (2015). [History of the "subject" in some of its key moments]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. No. 3–4, pp. 89–116.

Khudoshin, A.S. (2025). [Quasisubjects in civil procedural law: current state and foreseeable future]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. No. 3 (164), pp. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2025-3-152-155>

Korel', L.V. and Kombarov, V.Yu. (2012). [Subject or quasisubject? Experience of sociological analysis]. *EKO. Vserossiiskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO. All-Russian Economic Journal]. No. 9 (459), pp. 167–180.

Lanovaya, T.V. (2026). [Artificial Intelligence as a quasisubject of linguistic research]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. No. 1 (130), pp. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.37972/chgpu.2026.130.1.015>

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.

Lektorskiy, V.A. (2010). [Subject in the history of philosophy: problems and achievements]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 5, no. 1, pp. 5–18.

Mazin, V. (2018). *Mashina vliyaniya* [The machine of influence]. Moscow: In-t Gaydara Publ., 256 p.

Melikhova, O.A., Veprintseva, O.V., Chumichev, V.S., Dzhaminov, S.V. and Gaydukov, A.B. (2015). [The concept of an agent in Artificial Intelligence systems]. *Tekhnicheskie nauki — ot teorii k praktike* [Technical Sciences — from Theory to Practice]. No. 12 (48), pp. 44–51.

Mikeshina, L.A. (2009). [Empirical subject and the category of life]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 19, no. 1, pp. 5–15.

Nagoev, Z.V. (2025). [Neuropsychological architecture of an agent of universal Artificial Intelligence]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS]. Vol. 27, no. 6, pp. 186–208. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-6-186-208>

Palamarchuk, O.T. (2022). [Can Artificial Intelligence possess... consciousness?]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 1 (93), pp. 28–35.

Petrinin, Yu.Yu. (2025). [Generative Artificial Intelligence and the problem of consciousness]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. No. 112, pp. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-78-92>

Rozin, V.M. (2011). *Filosofiya sub'ektnosti* [Philosophy of subjectivity]. Moscow, SFK-ofis Publ., 380 p.

Skipkina, T.K. (2025). [Positioning the subjectivity of a chat-bot from the point of view of users' behavioral practices: an attempt at classification]. *Soznanie v virtual'noy real'nosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Consciousness in Virtual Reality: Proceedings of the International Scientific Conference]. Novosibirsk: Offset-TM Publ., pp. 92–95.

Trufanova, E.O. (2018). *Sub'ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruktiv* [Subject and cognition in the world of social constructions]. Moscow: Kanon+ Publ., 320 p.

Whitehead, A.N. (1931). Objects and subjects. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. Vol. 5, pp. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/1483082>

Zhulanova, I.V. and Medvedev, A.M. (2015). [The category of the subject: philosophical reminiscences and psycho-pedagogical associations (part 1)]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»* [Internet Journal "Mir Nauki"]. No. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (accessed 24.06.2026).

Об авторе

Скрипкина Татьяна Константиновна
младший научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru
ResearcherID: QMS-1336-2026

About the author

Tatiana K. Skripkina
Junior Researcher

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of
Russian Academy of Sciences,
8, Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090, Russia;
e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru
ResearcherID: QMS-1336-2026